

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Наталья Лайдинен

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ
НЕБЕ

ПЕТРОЗАВОДСК 2014

УДК 323 (470.22)
ББК 66.3 (2 РОС. КАР),4

Л 18

Издание осуществлено при поддержке
Федеральной еврейской
национально-культурной автономии

Редактор Дмитрий Цвибель

Ладинен, Наталья

Л 18 Звезды на северном небе /Наталья Лайдинен; Еврейская религиозная община. - Петрозаводск: Принт, 2014, 62 с.: ил. - (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып. 18)

В брошюре собраны интервью, опубликованные в международном журнале «Алеф», газете «Общинный вестник», других печатных изданиях.

ISBN

УДК 323 (470.22)
ББК 66.3 (2 РОС. КАР),4

© Наталья Лайдинен

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ГАРРИ ЛАКА

Гарри Цалелович Лак – человек непростой, но удивительной судьбы. В 1944 он ушел добровольцем на фронт, служил в разведке, после войны стоял у истоков создания геологического сектора филиала Академии Наук СССР. Много раз в его жизни случались чудеса и удивительные совпадения, спасавшие Лаку жизнь и здоровье. Вокруг него всегда интересные люди, память Гарри Цалеловича – кладезь невероятных историй, которыми он охотно делится. В свои 86 лет он бодр, полон сил и оптимизма. Лак продолжает писать увлекательные книги для школьников по популярной геологии и для взрослых – о том, что ему, рижскому еврейскому мальчику из некогда большой и счастливой семьи, довелось пережить в жизни.

- Гарри Цалелович, какие воспоминания у Вас сохранились о жизни в Риге? Что известно об истории Вашей семьи?

- Я родом из еврейской семьи Лаков-Пенов. Известно, что мой прадед-ремесленник был родом из диаспоры Новоалександровска (ныне город Заросай, Литва). Он воспитывал детей в ортодоксальном еврейском духе. Маминого отца звали Давид Моисеевич Пен. Моя мама Ханна родилась в Витебске, куда семья Пен переехала из Литвы. В семье было много ярких представителей и интересных историй. Так Иехуда Моисеевич Пен, получив начальное образование в хедере, преодолев массу препятствий, осуществил свою мечту и окончил Петербургскую Академию художеств, после чего открыл в Витебске учебную художественную студию. Среди его учеников – Марк Шагал. Жизненная история моей мамы тоже не была простой: она, родив двоих детей – дочь Таню и сына Илью, - пережила развод с первым мужем и начала заниматься малым бизнесом: развивать небольшой магазин женской одежды. В 1916 году она второй раз вышла замуж, причем ее избранник красавец-блондин с абсолютным музыкальным слухом Цалел – моложе ее на четыре года, прекрасный пианист и танцор, мастер женской модельной обуви.

Он был родом из многодетной небогатой семьи, в 13 лет его отдали учеником в ателье по пошиву верхней одежды. Отец прекрасно рисовал и любил создавать новые модели, особенно – для женщин.

Мама с папой встретились и познакомились в Двинске. Их любовь стала очередным вызовом ортодоксальным традициям семьи. В 1916 году в Петербурге состоялось бракосочетание моих родителей. После этого молодые переехали в Ригу и начали закладывать основы семейного бизнеса, который вскоре стал процветающим. В 1917 году на свет появилась сестра Дора, а в 1925, в день Пурима, родился я. Жизнь в Риге в те годы была великолепна, не зря город называли «маленьким Парижем». О детстве в Риге у меня самые светлые воспоминания.

- В родительском доме соблюдались религиозные традиции?

- Семья моих родителей была неортодоксальной. Конечно, у нас отмечались еврейские праздники, но родители были очень продвинутыми людьми с широкими взглядами. Бармицва у меня была в центральной синагоге (которую фашисты сожгли с 5000 евреев в 1941 году), и я читал главу из Торы, и кантор был у нас дома, – все, как полагается. Между собой родители говорили на идиш, а детей учили уже по-латышски. Они путешествовали, занимались бизнесом, встречались с друзьями, я общался с ними не слишком много. Моя гувернанткой была одинокая немка Эльза, которая во мне души не чаяла. Поэтому с ранних лет я прекрасно говорил, а потом читал и писал по-немецки. Она открыла мне мир европейских сказок, привила любовь к чтению. Так получилось, что с самого начала она назвала меня ласково Гарри. Имя прижилось настолько, что о моем настоящем имени Гершон я узнал спустя много лет, когда по запросу из Риги прислали копию свидетельства о рождении.

С Эльзой связан и один забавный эпизод моего детства. Ярослав был болезненным мальчиком, плохо ел, мама расстраивалась по этому поводу. Однажды в гостях у родственников Эльзы меня угостили свининой. Дома я с гордостью рассказал, что наконец-то попробовал действительно вкусное мясо. Мама тяжело вздохнула, и через несколько дней на кухне появился второй комплект посуды... Здоровье ребенка было для мамы самым важным.

- Ваш отец заранее готовился к отъезду в Палестину, даже построил дом в Тель-Авиве. Почему Ваша семья не уехала до того, как наступили страшные для всех времена?

- Мой сводный брат Илья уехал в Палестину, стал там самостоятельным человеком, обзавелся семьей. Отец действительно тоже готовился к переезду, перевел деньги, построил большой дом на углу современных Дизенгоф и Фришман, на первом этаже которого должны были размещаться магазины. Он чувствовал, что в мире назревают большие столкновения и пытался обезопасить семью. Прибалтийским евреям грозила опасность и с запада, и с востока. Отец уговаривал маму как можно скорее решиться на переезд, но мама медлила – ее держало дело ее жизни – магазин, выгодно продать фирму сразу возможности не было. Я, успешно сдав экзамены, поступил учиться в престижную латышскую гимназию. Мама просила отца еще немного подождать... Так было упущено драгоценное время. Развитие событий подтвердило правоту опасений отца. В начале 1941 года уже арестовали руководителей еврейских общин, предприятия были национализированы. Отец выплатил чудовищную по тем временам сумму 18000 лат (36000 долларов) для того, чтобы нашу семью не трогали. Но эта сделка была очередным большевистским обманом.

- Как в Вашу семью постучалась беда?

- Сначала в 1938 году, повинуясь приказу фюрера, из дома ночью ушла Эльза. Это была первая ласточка. Ночью 14 июня 1941 г. в половине третьего нас разбудили стуком прикладов в дверь. Мама сначала упала в обморок, потом взяла себя в руки и сказала, чтобы в большую простыню собрали вещи, а меня попросила взять драгоценности. Сама она забрала альбом с семейными фотографиями. За одну ночь 10 тысяч наиболее известных еврейских семей были вывезены из Риги. Наша семья попала сначала в Красноярский край. Сестра Таня вместе с мужем Мишой и маленьким сыном Веней, вместе с 35-ю тысячами евреев, погибли от рук нацистов около железнодорожной станции Румбулы. Веню ударили головой об стену на глазах Тани... Они шли на расстрел в колонне одними из первых – так рассказала женщина, которой чудом удалось спастись в тот страшный день. В Румбулы погибли также мамин брат и папин брат с женами. Расстреляли почти всех учеников моей школы...

- Как складывалась дальше Ваша жизнь в ссылке?

- Настоящая трагедия была впереди – 9 декабря ночью пришли за отцом. Когда его уводили, он оглянулся на меня: «Сын, будь всегда честен!» Это были его последние слова, которые я слышал. Когда вскрылся Енисей, нас повезли в Туруханск, затем в Туру, столицу эвенкийского национального округа. Там нас вместе с другой еврейской семьей из Риги поселили в бараке, жить в котором было невозможно: зимой стены насквозь промерзали. Сестра с двумя высшими образованиями, включая консерваторию, владевшая пятью языками, машинописью оказалась в мужской бригаде на подледном лове рыбы. Мне запретили учиться в советской школе и отправили долбить вечную мерзлоту. Потом произошло чудо – меня взяли в теплую мастерскую, я стал учеником бондаря, делал бочки для засолки рыбы. Там меня заметил механик электростанции и взял к себе в помощники.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

- Как Вы попали на фронт?

- Я понимал, что если меня не возьмут на фронт – мы все погибнем. В военкомате мне многократно отказывали: «Таких, как ты, не берем!» Мама знала о моих намерениях и хранила молчание. Но тут случилось неожиданное. В январе 1944 года с фронта на костылях героем вернулся Зяма, сын наших соседей по бараку. Когда нас ночью высыпали из Риги, он был на вечеринке. Утром пришел – квартира опечатана, никого нет. 28 июня 1941 года он был мобилизован в Красную армию, защищал подступы к Ленинграду, был тяжело ранен, награжден орденом Красного Знамени. В поисках родных он дошел до Михаила Калинина. При его участии Зяме сообщили о местонахождении матери и сестры. Узнав о моем желании пойти на фронт, Зяма взялся помочь. Моя мама не стала возражать и сказала: «Пусть мой сын поступает, как сам хочет». Зяма пошел со мной к военкому и на своем примере сумел доказать, что знающий несколько языков еврей из Риги, у которого отец в лагере, а мать с сестрой в ссылке, может служить и быть полезным в армии. Так меня призвали добровольцем в армию с направлением в Красноярск и дальше в разведывательную роту.

- А что стало с Вашим отцом?

- Маме и сестре разрешили вместе со мной выехать из Туры. Когда мы в июне плыли обратно по Енисею, на теплоходе с нами возвращался генерал. У мамы оставалась единственная ценность – швейцарские золотые часы, она их ему продала, чтобы в Красноярске закупить еду для отца. Тогда у нас приняли посылку – почти полный мешок продуктов. И лишь спустя время, мы узнали, что в тот момент отца уже не было в живых – он умер еще в феврале от алиментарной дистрофии.

- Как началась для Вас война на передовой?

- Сначала я попал в Омск в 320 запасной полк, в разведшколу. Там была жесточайшая дисциплина и тяжелые условия жизни. Я учился переносить мыслимые и немыслимые тяготы. Уже через месяц я был переведен в разведроту командиром отделения. С трудом, благодаря сердобольной женщины-врачу, прошел медкомиссию. Она тогда сказала: «У таких доходяг сила духа больше». Комиссия дала мне добро, и я поехал на фронт. Я принимал участие в боях Второго Белорусского фронта.

Жизнь распорядилась так, что я сразу попал в распоряжение командира артиллерийского соединения полковника Меерсона. Он был совершенно седой, на гимнастерку был привинчен орден Красного знамени образца гражданской войны. Каждый день Победы я вспоминаю моего полковника благодарным словом – он не один раз спас мне жизнь. Меерсон сразу все великолепно понял о моем происхождении. Кто-то его самого спас в 1937 году, вероятно, поэтому он в свою очередь помогал мне до конца войны. У него в армии был огромный авторитет, он настоял на том, чтобы меня никуда от него не переводили. Он прекрасно понимал, что если я перейду в вышестоящие соединения, начнется проверка, и там откроется правда обо мне. Разведчики приняли меня хорошо, хотя сначала посмеялись, что я – еврей, оказался на войне, в разведке. Но это было до первого военнопленного, пока они не услышали как я говорю по-немецки. К тому же, я владел готическим письмом, на котором писались все приказы вермахта...

При переправе через Одер в апреле 1945-го я был тяжело ранен, но и тогда, перебинтованный, оставался под командованием Меерсона. После ранения меня демобилизовали, полковник отправил меня домой, сказал, что теперь я нужнее матери и сестре.

В 1978 году в Нойбранденбурге меня наградили высокой правительственной наградой ГДР – Серебряным Знаком Чести за освобождение города. Когда мне его вручали, извинились, что

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

не могут дать Золотой, потому, что Золотой Знак Чести только у Брежнева. Зал приветствовал меня стоя... Всего у меня семь сталинских благодарностей времен войны за взятие северо-восточных городов.

- После демобилизации Вы вернулись в Ригу?

- Да, но сначала я навестил маму и сестру на Урале, в поселке Бисертский завод. Надеялся, что мы уедем на родину вместе. Начальник тамошнего НКВД сказал, что я смыл свою вину кровью, а мои родные – нет. В чем была моя вина, он не уточнил. Мама настояла на том, чтобы я один вернулся в Ригу, а они остались. Я так и поступил, но довольно скоро понял, что больше в столице Латвии меня ничего не держит. В Риге я закончил курсы шоферов. Наша квартира была национализирована, в ней жили чужие люди. Я однажды зашел к ним, мне открыла испуганная женщина в халате и бигуди. В квартире стояли старинные предметы мебели, книги, принадлежавшие нашей семье. Вышел я оттуда с огромной болью и твердым намерением покинуть Ригу. И вскоре переехал в Ленинград, где поселился у родственников, в коммунальной квартире. Мама и сестра через несколько лет тоже вернулись в Ригу, они были вынуждены снимать проходную комнату в чужой квартире... В следующий раз я приехал в Латвию уже в 1992 году, чтобы получить бумаги о полной реабилитации членов моей семьи. В России нас реабилитировали в 1993.

- На момент демобилизации у Вас не было не только высшего, но и законченного среднего образования. Тем не менее, Вы решили посвятить себя науке. Как складывался ваш путь в этой области?

- Поначалу учеба давалась мне с трудом – ведь по-русски я научился говорить, но писал с чудовищными ошибками. Родственники устроили меня в техникум текстильной промышленности. В техникуме у меня начались большие проблемы.

На мое счастье я познакомился с геологом Галиной Сергеевной Бискэ. С ее помощью мне удалось устроиться в экспедицию, так начался мой новый профессиональный путь. В геологоразведочной партии я выполнял все функции простого рабочего, но трудился на совесть и получил предложение продолжить работу в геологии. В 1947 году я был принят на работу препаратором в сектор геологии Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР под руководством Г.Бискэ. Я переехал в Карелию и получил место в общежитии в Сайнаволоке, чему был очень счастлив. Сначала моя работа состояла в копировании карт и схем, потом Галина Сергеевна попросила меня перевести книгу В.Таннера о геологии Фенноскандии... Так одновременно я совершенствовал русский язык и осваивал геологическую терминологию. Библиотека филиала помогала мне наверстывать упущенное за годы ссылки и войны. На работе очень остро вставал вопрос о моей переаттестации. В 1960 году я экстерном закончил полную среднюю школу в Петрозаводске, а уже в 1961 году, будучи младшим научным сотрудником и активно работая в секторе геологии, поступил в МГУ. К этому моменту у меня уже были научные публикации. Разрешение на поступление давал после личной беседы со мной министр образования СССР. В 1965 году я экстерном сдал экзамены в МГУ по специальности «геоморфология». С экстернатом было немало проблем, я беспокоил заведующих кафедрами, убеждал их принять у меня экзамены, объяснял мою ситуацию, в конечном итоге, все пошли мне навстречу, поскольку знали уже мои научные работы. Сорок лет своей жизни я посвятил исследованию ископаемых диатомовых, защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим научным сотрудником геологического сектора.

- Ваш путь в геологии счастливый еще и потому, что наука подарила Вам личное счастье...

- Да, с моей женой Надеждой мы познакомились прямо на рабочем месте. С тех пор мы вместе уже 57 лет. У нас было все: я завоевывал ее любовь, мы вместе были в экспедициях и ночевали в одной палатке, работали над одними темами... Надежду очень тепло приняла моя мама. В день нашего приезда в Ригу они с Дорой встречали нас белыми цветами, а у вокзала стояла роскошная бричка, запряженная лошадьми. в гривы были вплетены ленты, повозка украшена цветами. Мы медленно ехали по городу, а мама рассказывала моей жене о достопримечательностях. Так мама подарила Надежде Ригу и свое расположение...

- В жизни у Вас были удивительные встречи. Кого из Ваших наставников, друзей и товарищей Вы вспоминаете сегодня?

- Моя жизнь действительно была щедра на неординарных людей. Я много лет подряд дружил с художником Евгением Кибриком, его супругой и был в курсе всех перипетий их непростой личной жизни. Моими наставниками я считаю Галину Сергеевну Бискэ, Петра Алексеевича Борисова и Каукко Оттовича Кратца. Последний был интереснейший человек и талантливый ученый, член-корреспондент Академии Наук СССР, по происхождению – канадский финн. Ему и его семье удалось уцелеть в страшные времена репрессий, это была таинственная история. Кстати, именно он «составил» мне Надежду... Часто вспоминаю друга детства Макса Гуткина: он прошел концлагеря, принимал участие в роковом «переходе через Альпы» для того, чтобы в Турине попасть на судно, идущее в Палестину, воевал за независимость Израиля, закончил авиационный институт в США и в конечном итоге стал заместителем директора компании «Эль Аль». Сегодня он живет в Израиле, ему 86 лет, мы встретились чудом спустя сорок лет после разлуки...

- Ваша мама уехала в Тель-Авив 1955 году. Почему она приняла такое решение?

- Мама, как она написала в письме на имя Никиты Хрущева, «не могла жить в стране, где русские убили ее мужа, а немцы – дочь». Мама была одной из первых евреек, покинувших Советский Союз. Вскоре за ней уехала и сестра Дора. Когда мама уезжала, я как раз получал допуск «совершенно секретно», который ограничивал любое общение с людьми за границей. Пока до 1957 года мама оставалась гражданкой СССР, я ей мог писать. Потом я получал специальное разрешение для продолжения переписки. На похороны матери и сестры мне приехать не удалось – я был невыездным. В 1987 году я поставил вопрос о том, чтобы навестить могилы моих близких в Израиле. В ОВИРе мне устроили двухчасовой допрос, после чего сказали подождать... Через два года я получил разрешение на выезд. И с тех пор на протяжении 12 лет, пока позволяло здоровье, мы с Надеждой ежегодно несколько раз бывали в Израиле. Там еще были живы те, кто помнил моих родителей. В доме сохранились семейные альбомы с фотографиями, которые мама сберегла в ссылках и переездах. Адвокатом нашей семьи стал известный юрист Борис Минковский, который сидел с моим отцом в одном лагере...

Я очень люблю Израиль, но остаться жить там я не смог: моей Родиной навсегда стал Петрозаводск, где я встретил любовь, создал семью, получил квартиру и много лет, энтузиазма и сил отдал работе в филиале Академии Наук.

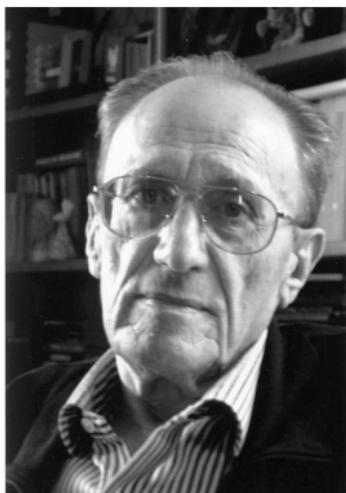
ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Красноармеец Гарри Лак

С папой и сестрой, 1931 г.

Гарри Лак

1938 г.

КРАСНОАРМЕЕЦ ЗЯМА КАУФМАН

Залман Самуилович Кауфман — ученый-биолог, член-корреспондент Российской академии естественных наук, автор научных трудов. Испытаний, которые выпали на его долю, хватило бы, наверно, на десятерых. Он прошел суровые будни войны, более семи лет провел в лагерях ГУЛАГа. И при этом не ожесточился, не сдался, продолжал действовать, надеяться, верить и любить. С верной супругой Ревеккой Соломоновной его связывают более семидесяти лет жизни.

Сегодня Кауфману идет девяносто третий год. Он увлечен вопросами иудаики, пишет и публикует статьи на интересующие его темы в этой области. Собрал большую коллекцию (более трех тысяч!) еврейских пословиц и поговорок на идише. Теперь она хранится в отделе рукописей Национальной библиотеки Израиля. Уникальную коллекцию бабочек и жуков Кауфман передал в Национальный музей Карелии, огромное собрание книг — в библиотеку Карельского научного центра Российской академии наук.

— Залман Самуилович, за долгую жизнь вы встречались со многими интересными людьми, в том числе с легендарным полководцем Буденным. Расскажите об этом, пожалуйста.

— В университете на биофаке я проучился дней десять — призвали в армию. После финской войны меня перевели в Москву, в самую элитную военную часть СССР — Первую Московскую пролетарскую дивизию. Мы участвовали во всех парадах на Красной площади, на нас апробировали все новшества, которые тогда вводили. При этом дивизия участвовала во всех боях, которые были в те годы! Многие солдаты и офицеры имели боевые награды, не меньше было и похоронок. Московским военным округом командовал маршал Семен Буденный, а начальником штаба был генерал-лейтенант Василий Соколовский (позже нарком обороны).

Поскольку я был наиболее грамотный, меня поставили возле дверей их кабинета, я проверял документы всех входящих. Почти каждый день встречался с Буденным, он со мной здоровался. Однажды произошел забавный случай: нам вместо буденовок выдали ушанки, апробировали очередное новшество. Семен Михайлович подходит ко мне, здоровается и спрашивает: «А ты скажи, что лучше — буденовка или ушанка?» Я задумался, ведь сам Буденный спрашивал, пришлось хитрить. Говорю: «Ушанка, товарищ Маршал Советского Союза!» Он: «А почему?» Я ответил: «Если командование решило одеть нас в ушанки, значит, ушанка лучше!» Буденный посмотрел на меня и говорит: «Ну и хитрец же ты! Как тебя зовут?» — «Красноармеец Зяма Кауфман». Он переспросил и пошел в кабинет, пережевывая мое имя...

— Вы участвовали в Великой Отечественной войне, были ранены. Как началась для вас война?

— Войну я встретил на самой границе. Маленькая речушка, по одну сторону немцы, по другую — мы. 20 июня нам прислали пополнение — узбеков, таджиков, туркмен, которые по-русски не понимали. Одеты они были в халаты, подпоясанные платками. Оружия у нас не было, только две дореволюционные винтовки для обучения штыковому бою. Командирам, которые были такими же мальчишками, как я, только что окончившими Киевское артиллерийское училище, выдали пистолеты «ТТ» и две обоймы патронов. У нас было шесть пушек и по шесть снарядов на орудие, представляете? Война началась в воскресенье. Офицеры ушли в польскую деревню смотреть кино, а меня оставили главным на батарее. Мы жили в палатках. Ночь выдалась холодная, и я укрылся потеплей. Снился мне эскадрон лошадей, цокающий подковами по брускатке. Но постовой не дал досмотреть сон — разбудил. Я вышел из палатки, но цоканье так и не прекратилось. Это бомбили Гродно и близлежащую станцию Мосты. Война!..

– Вы приняли на себя командование батареей. Как действовали дальше?

– Убрали белые демаскирующие палатки и не знали, что делать. Новобранцев даже не переодели в военную форму. Командиры отсутствовали, оружия не было. Вокруг рвались бомбы, снаряды... Я лежал в воронке, грыз землю и плакал: «Мамочка, спаси меня!» Очень было страшно. Потом пошли танки, давили всех подряд. В первые часы войны из нашей бригады, насчитывавшей одиннадцать тысяч бойцов, осталось лишь двадцать шесть. Уцелели две машины, на них мы отступали до Смоленска, при этом вели бои. По дорогам тянулись длинными колоннами отступавшие, кругом валялись трупы, на них не обращали внимания. Мы сдали Смоленск, потом форсировали Днепр. Писатель Г. Бакланов в одной из своих книг подробно описал кровавую Соловьевскую переправу. Жестокие бои велись под Вязьмой. От нашей бывшей батареи осталось всего четыре человека. Потом — Волховский фронт. Все деревни помню, в которых приходилось воевать. Сейчас, раздувая патриотические чувства, подчеркивают лишь военные победы, успехи. Редко вспоминают, какие были жертвы. Все пространство от Белого до Черного моря было густо усеяно трупами. Через трупы переступали, трупами прикрывались. Мы немцев не победили, мы их утопили в нашей крови.

– В одном из боев вы были тяжело ранены...

– Я испытал все прелести войны: отступление, наступление, форсировал Днепр летом и Волхов зимой, ходил за языком, в рукопашной мне разбили лицо. На войне быстро привыкаешь к смерти, знаешь, что не сегодня-завтра все равно убьют. Но было жаль родителей: как они пережили бы похоронку... Когда второй раз снимали блокаду, шли бои под деревней Званка. Я был артиллерийским корректировщиком. Мой наблюдательный пункт

находился на высокой сосне, меня засекли. Очнулся лишь в санбате. Ранение было не слишком серьезное, но, падая с дерева, я сломал обе руки. Три месяца продолжались мои мучения в госпитале в Боровичах. После выписки я был отправлен на Балтику, в Кронштадт, участвовал в разминировании района острова Лавансаари. Но раненые руки сильно отекали, болели, меня списали на берег, в команду, восстанавливающую Кронштадтский морской завод. Я снова смог вернуться к учебе в университете. С первого курса стал специализироваться на кафедре зоологии беспозвоночных у знаменитого ученого В.А. Догеля, а со второго — и на кафедре эмбриологии у не менее знаменитого профессора П.Г. Светлова. Учился с большим удовольствием. Сдав пятьдесят экзаменов, университет окончил досрочно, за четыре года, пятый оставил для научной работы.

— Почему вас арестовали?

— Когда я сдавал госэкзамены, началась кровавая война за существование Израиля. Понятно, что студенты-евреи не могли относиться к этому равнодушно, а некоторые, наиболее радикальные, даже рвались туда, еще не забыли, как держат автомат в руках. Кроме того, возмущал «пятый пункт», из-за которого талантливых студентов-евреев не брали в аспирантуру. Нас, евреев, в университете было не так много, но мы встречались, общались, говорили, в том числе и о еврейских дела. При этом в нашу комнату в общежитии приходили и другие ребята, девочки. В нашу компанию запустили стукача. Хозяева им были довольны. Он посадил как минимум восемь известных мне человек из числа своих друзей. Присутствовал он и на моих допросах. За это ему щедро платили: он получил квартиру и был принят в аспирантуру. Через много лет я его случайно встретил, он меня узнал, испугался, но я его трогать не стал, лишь сказал: «Какая ты мерзость!» — и плюнул ему в лицо.

Встретил и своего судью — тоже еврея. Тогда его заставили нас осудить, сроки уже были известны. Он меня узнал и прямо на Невском встал на колени, плакал и просил прощения. После нашей встречи, прия домой, он повесился. Об этом я узнал недавно.

— Вы долго отказывались подписывать обвинительные документы...

— Да, полгода я сидел в одиночке. За это время, несмотря на самые разные провокации, я не подписал ничего. Меня мучили бессонницей, с одиннадцати вечера водили на допросы, продолжавшиеся до утра. А днем спать не давали. Кровать на день привинчивалась к стенке, стол и стул металлические — тоже. А пол был цементный, его поливали водой, и сидеть было негде. В последние дни меня буквально тащили на допросы, я сам ходить уже не мог. Следователь сказал, что из этой тюрьмы еще ни один человек не вышел. Он посоветовал подписать документы. Подписал. Мне дали двадцать пять лет каторжных лагерей с поражением в правах на пять лет, если выйду. Потом перевели в общую камеру и этапом отправили в страшный Тайшетлаг, валить лес для строек коммунизма.

— За время мытарств по лагерям вы встречали много известных людей...

— Я встречал и хороших людей, и разную дрянь... Рядом были бандиты, ворье, проститутки, извращенцы. Но встречал я и очень интересных людей. Один из них — Дмитрий Быстролетов, разведчик, шпион, он мотал уже второй срок. Человек удивительный, полиглот, знал двадцать иностранных языков, при этом у него была великолепная русская речь. Быстролетов — из русской интеллигенции, которая эмигрировала в Турцию. Там его и заметили люди из НКВД, завербовали, подучили и отправили в Экваториальную Африку, снимать топографические карты местности. Он участвовал в убийстве сына Троцкого — Седова.

Жена Быстролетова тоже была шпионкой. Ей приходилось даже соглашаться на встречи с нужными людьми для получения информации... Еще запомнился секретарь компартии Палестины Иосиф Бергер-Барзилай, бывший начальник ближневосточного отдела Коминтерна. Человек удивительный, знал все основные европейские языки, арабский, иврит, польский... Его должны были отправить на расстрел, но вместо него случайно отправили какого-то блатняка. В лагере он стал верующим, не ел трефного. Был страшно худ, едва ходил. К моменту нашей встречи он уже отсидел двадцать лет, его в 1935 году арестовали. В лагере его все уважали. Даже начальство иногда подбрасывало Иосифу что-нибудь из еды: пару картошин, яблоко... После смерти Сталина его выпустили, он уехал в Израиль, стал профессором Университета Бар-Илан, написал несколько книг. Он был намного старше меня и относился ко мне, как к сыну. В одном бараке со мной сидел и бывший командующий ВВС генерал-лейтенант Александр Тодорский. Когда его освободили, он отказался уехать, требовал генеральскую форму и адъютанта. Все это выполнили. Отказался уехать и писатель А. Исбах, который хотел выйти только передовиком социалистического труда и не успевал выполнить норму. И такое бывает! А в Омске я познакомился со Львом Гумилевым, который сидел уже третий срок. Он был очень своеобразный: эрудированный, начитанный, но дикий, животный антисемит. Со мной он поддерживал дружеские отношения. К тому моменту я сумел пристроиться на работу лаборантом в лагерную больницу. Среди заключенных ни у кого больше не было специального образования и практики. Леве время от времени давал справку о нетрудоспособности. Как в лагере говорили: день канта — год жизни. Работа была тяжелая: нужно было землю копать или возить в тачках. Свободными вечерами Лев приходил ко мне побеседовать.

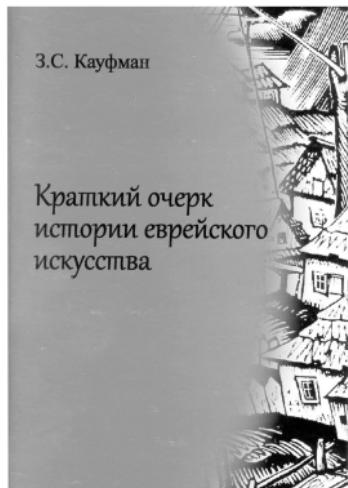
ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Он, конечно, знал, что я еврей, но общаться ему больше было не с кем. Все-таки мы оба были образованными людьми, учились в Ленинградском университете... Мне, конечно, хотелось больше узнать о его матери и отце. Но как только я задавал ему вопрос о родителях, он мгновенно замыкался и уходил от ответа. Какие у них были отношения, я не знаю. Факт тот, что когда его освободили, он поехал не к Ахматовой, а к писателю Ардову... О людях, с которыми я встречался в лагерях, можно рассказывать бесконечно!

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

На презентации книги

Залман Кауфман

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК СЕМЕН БЕКЕНШТЕЙН

С каждым годом все дальше от нас страшная Вторая мировая война, все меньше тех, кто был ее очевидцем на фронтах, в тылу и за колючей проволокой концлагерей. Житель Петрозаводска Семен Бекенштейн — из тех, кто знает об ужасах Холокоста не понаслышке. Корни его старинной мастеровой семьи — из польского Белостока, где предки Семена трудились кожевниками и сапожниками. Бекенштейн родился в 1922 году, окончил четыре класса хедера, а потом шесть классов другой еврейской школы, где изучали иврит и польский язык. Он поступил в еврейскую гимназию. В те времена особенно ценились рабочие прикладные специальности, вскоре молодой человек перевелся в еврейское ремесленное училище, где изучал слесарное, токарное, сварочное дело. С детства Семена приучали к труду, он частенько бывал на кожевенной фабрике, где работал отец. Как окажется позже, именно эти рано усвоенные бесценные навыки мастерства спасут Семену жизнь.

В предвоенные годы в Белостоке процветал антисемитизм, поэтому многие юноши, чтобы постоять за себя, занимались спортом. Бекенштейн преуспел в боксе. Но однажды жизнь города резко изменилась. «Сначала в Белосток вошли немцы, — рассказывает Семен Ионович. — Они бесчинствовали. Пробыли неделю и ушли. Через две недели вошли русские. Установились советские порядки — национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядю оставили работать там главным механиком. Он взял к себе моего младшего брата учеником. Талантливый Пейсах стал токарем по металлу. Поляки ненавидели русских. Но русские не издевались над евреями. Были организованы курсы железнодорожников.

Преподавателями стали русские военные. Меня направили в группу помощников машинистов паровоза. Некоторое время я работал, потом поступил в железнодорожный техникум, чтобы

усовершенствовать навыки. В железнодорожном техникуме долго не проучился, перешел в механико-энергетический политехникум и занимался там год. Я стал гражданином Советского Союза, у меня был паспорт. В субботу 21 июня 1941 года сдал последний экзамен по физике, а на следующий день фашисты напали на СССР. Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу, вошли немцы. Сразу же сожгли двадцать девять улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там евреями — более тысячи человек. К этому времени в Белостоке жило пятьдесят тысяч евреев. В первой половине июля немцы уничтожили более шести тысяч. Еврейский район обнесли забором, установили ворота, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г хлеба в день (позже — 350 г). Кормили только тех, кто работал. Все еврейское имущество было конфисковано».

Семен вместе с родными попал в гетто, работал, вынужден был носить на одежде желтую звезду Давида — спереди и сзади («Прицел для снайпера», — шутит он). В двухкомнатной квартире, где жила семья Бекенштейнов, постоянно находились двенадцать человек — они взяли к себе всех близких и дальних родственников,казалось, вместе будет легче преодолеть трудности.

Глава семьи устроился на кожевенную фабрику, получил пропуск за пределы гетто. На то же предприятие кочегаром определили и Семена, поскольку он знал паровое дело. Брата Пейсаха устроили работать токарем по металлу в другое место. На работу ходили пешком по проезжей части — по тротуарам передвигаться евреям запрещалось. Задачей тех, кто мог выходить из гетто, было приносить еду для остальных, тщательно ее прятать, поскольку на воротах обыскивали.

Вскоре начались первые расстрелы, тысячу евреев расстреляли, десять тысяч отправили в Треблинку. Укрыться в чужой квартире не удалось: в феврале 1943 года Семена и его брата схватили и отправили в концлагерь. Сначала братья не знали точно, куда их везут по железной дороге, в пути не кормили и ничего не объясняли. Догадывались, что путь лежит в крематорий. Тех, кто пытался убежать, расстреливали на глазах у остальных. В Биркенау в первый день узников разбили на различные группы, большинство стариков и детей сразу отправили на смерть. Благодаря находчивости и наличию трудовой специальности Семен с братом попали в группу к молодым работоспособным мужчинам. Так удалось выжить на этом этапе мытарств.

К удивлению, в колонне уцелевших оказался также младший брат отца Янкель, сапожник. На предплечье Бекенштейну накололи номер 100611. Над людьми издевались, их унижали разными способами. Больше, чем за себя, Семен волновался за любимого младшего брата. Это придавало сил не сдаваться в самые трудные моменты, продолжать бороться за жизнь.

«В бараке, метров в 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраса и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит, на каждой по девять человек. Во время карантина постоянно проводили «сепекцию»: выстраивали всех в один ряд, через который шли двое эсэсовцев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли отжаться от земли: тех, кто не смог, больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля, мы не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был печником, поэтому и выжил), который рассказал, что их было сорок тысяч, а осталось человек десять. На карантине над нами издевались — заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка, и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз кирпичи таскали».

Вскоре Бекенштейна отправили в Освенцим. Ему известно, что оставшихся в Биркенау расстреляли, и его брата тоже. Семена Ионовича распределили на общие работы на кожевенный завод. Узников избивали, условия работы были нестерпимо тяжелыми. И тут молодому человеку неожиданно помогли семейные мастеровые навыки. Сначала по заданию руководства он быстро починил и врезал замок в дверцу кареты, за что не брался никто другой из узников. После этого он стал работать в кузнице, выполнять сложные задания. Ковали подковы для лошадей, чинили брички.

«В Освенциме была столярная, обувная мастерская, кожевенная фабрика. Швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была «Канада» — там работали женщины, они проверяли привозимую одежду и обувь — пороли их, искали спрятанные драгоценности: золото, бриллианты. Была прачечная. Я собирал стиральные машины, проверял, пускал в работу. Привозили горы волос из крематория. Волосы как будто живые — в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили. С тех пор я плохо слышу на одно ухо».

После того как советские войска начали наступление на Krakow, Бекенштейна и других узников эвакуировали в Маутхаузен, в лагерь Гузен-2. Там Семену присвоили новый номер — 118549. Работал он по двенадцать часов в сутки на секретном авиационном заводе «Мессершмитт», расположенном в альпийских штолнях. Судьба и там оказалась благосклонной к Семену: 1 мая он заболел тифом и не пошел на работу, поэтому уцелел. А 5 мая 1945 года лагерь заняли американцы, он попал в лазарет, где несколько дней лежал без сознания.

Когда поправился, оказалось, что всех русских уже отправили домой. Решил добираться на родину самостоятельно. По пути его вызывали на допросы, пытались обвинить в предательстве. В итоге направили в рабочий батальон, и вновь начался тяжелый труд в Польше, Германии, Венгрии, Румынии, Австрии... Выстоял, пережил и это испытание! 1 января 1946 года тех, кто трудился в батальоне, отправили в Россию.

Так Бекенштейн неожиданно оказался в Карелии. Тут вновь пригодились его золотые руки! Работал за еду в «инструменталке» пилоправом, точил пилы, топоры, делал лучковые пилы, топорища. Позже трудился электромехаником на электростанции. Там же, в Карелии, Семен встретил свою судьбу — девушку Надежду, женился, родились дети. В 1950-е годы мастер на отлично окончил двухгодичные курсы Ленинградского института повышения квалификации по специальности «техник-механик». Север стал его судьбой: Семен Ионович прижился в Карелии, сегодня он — один из уважаемых жителей города Петрозаводска. Все отзываются о нем как о человеке удивительно светлом, доброму, мастере на все руки. Он построил деревенский дом, где сегодня проводит большую часть времени, до сих пор изобретает и мастерит что-то полезное в хозяйстве. Вот только здоровье сдает понемногу — сказываются возраст и тяжелые военные годы...

«Я в жизни не видел более светлого человека! — говорит руководитель Еврейской общины Петрозаводска Дмитрий Цвибель. — Несмотря на все трудности, он остался добрым, жизнелюбивым, открытым, всем помогает. Трудно даже поверить, что в жизни ему пришлось пройти такие страшные испытания...»

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

*С Аллой Гербер и
Михаилом Гольденбергом*

Семен Бекенштейн

Интервью

В центре ИЦХАК

«ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ» МИХАИЛА ГОЛЬДЕНБЕРГА

Имя замечательного педагога, заслуженного работника образования РК и директора Карельского государственного краеведческого музея Михаила Леонидовича Гольденберга широко известно не только в Карелии, но и за рубежом. В 27 лет его назначили директором школы, потом молодой учёный стал преподавать в Петрозаводском педагогическом университете. «Я знаю, как надо преподавать историю, - говорит он. – Надо быть интересным! Скучным быть никак нельзя».

Человек широких взглядов, обладатель отличного чувства юмора, историк и страстный футбольный болельщик, Михаил Леонидович всегда прививал своим ученикам нетривиальный взгляд на историю цивилизаций, умел думать, анализировать и сопоставлять факты, пробуждал интерес к истории разных народов. На его занятиях действительно никому не бывает скучно!

А несколько лет назад он поставил в тупик многих специалистов, обнаружив во время экскурсии в Париж шокшинский, а значит, - карельский, а не финский! – малиновый кварцит в гробнице Наполеона, указал французским коллегам-музейщикам на ошибку. Михаил Леонидович увлекался поэзией Державина и исследовал хитросплетения его судьбы, участвовал в Державинских чтениях. Создал учебник по истории Петрозаводска. И многих соотечественников просветил в области проблемы Холокоста, дважды пройдя специальные курсы в израильском музее-мемориале Яд-Вашем. Сегодня М.Л.Гольденберг является русскоязычным партнером Стивена Спилберга, помогая ему собирать и анализировать свидетельства жертв «еврейского вопроса».

Пять лет назад историк согласился возглавить Карельский государственный краеведческий музей – один из старейших центров культуры Северо-Западного региона России - и вывел его на европейский уровень, представив в многочисленных залах не только уникальные экспонаты, но и оснастив здание мультимедиа ресурсами. А еще оборудовал специальные залы, в которых школьники могут «вживую» изучать историю, чувствовать себя охотниками и шаманами, погрузившись в особое временное пространство древней игры, устраивать ролевые танцы с бубнами, рисовать и расшифровывать петроглифы. Все это находится в русле нашего непростого времени перемен. Не удивлюсь, если вскоре именно Краеведческий музей во главе с неутомимым Михаилом Леонидовичем станет настоящим духовным центром Петрозаводска.

У здания музея существует многовековая славная история. Когда-то именно на Круглой площади города проводил собрания и встречи губернатор Олонецкой губернии Г.Р.Державин, многочисленные его друзья-поэты читали стихи, в этих зданиях позже звенело Музыкальное общество. Зал Благородного собрания напоминает о далеких славных временах, традиция которых продолжается сегодня.

В 1871 году при содействии губернатора Г.Г.Григорьева (внебрачного сына графа Г.В.Орлова) именно в этих легендарных стенах был основан первый музей на карельской земле. Сегодня это уникальное историческое место: старинные здания и Губернаторский парк образуют уникальный архитектурный ансамбль, который осуществляет реальную преемственность поколений в Петрозаводске и служит центром исторического притяжения города и всей республики.

О методах и мотивах работы Михаила Гольденберга – ученого, преподавателя, доцента Карельской педагогической Академии и директора краеведческого музея, - а также о его жизни и истории семьи с необычной фамилией, я смогла узнать больше, побеседовав с ним во время моего очередного приезда в Петрозаводск.

- Михаил Леонидович, почему Вы связали жизнь именно с Петрозаводском? Ваши родители совсем из других краев...

- Все пути судьбы: мой папа родился в Киеве, а мама родом из Винницы. Но я считаю себя местным: родился в Петрозаводске, а в недельном возрасте был увезен в необычное местечко Хуухканмяки, что в Лахденпохском районе Карелии, недалеко от финской границы. Название населенного пункта, между прочим, означает «совиная гора». Детство было кочевое: отца переводили из одного карельского военного гарнизона в другой, мы с мамой, естественно, следовали за ним. Осед в Петрозаводске я в 1966 году. Так что, Карелия - моя родина, это настоящий перекресток культур и цивилизаций. Как моя семья здесь оказалась? Мои родители – дети войны, которые от нее очень сильно пострадали. Стена в доме моего отца в Киеве была пробита пулями от авиаударов. Между прочим, он ушел на войну, когда ему было только 16 лет. В обществе до сих пор жива иллюзия, что евреи – не воевали. Но судьба могла быть по отношению к отцу еще более жесткой: он призвался в августе 1944, а в сентябре 1941 был Бабий Яр! Могло не быть на свете ни меня, ни моих детей. Я все время помню об этом.

- Наверно, не случайно Вашего сына зовут Дан...

- Да, я ему всегда говорю, что его рождение – чудо, он мог и не родиться. Так получилось, что его день рождения – 29 сентября 1992 года. А 29 сентября 1941 года случился Бабий Яр! Я с раннего возраста рассказывал ему историю этой страшной трагедии, от которой нашу семью спасло чудо. Поэтому и имя сына непростое, судейское... Я понимал всю ответственность.

- А где повстречались Ваши родители?

- Военное время: они познакомились в Казахстане. На станции «Сары-Озек», которая описана в произведениях Чингиза Айтматова. Они были очень юными. Мой отец, ученик седьмого

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

класса, в первый же день обратил внимание на красивую ученицу-мою будущую маму, решил, что она станет его женой. Но они учились в разных классах. Директором школы тогда был Федор Никитич Цой. Мой отец примчался к нему, разговаривал с ним, директор проявил редкое понимание и перевел его в класс, где училась мама. Вскоре он вошел в ее семью, мамины родители старались заботиться о нем. Папа, несмотря на то, что был очень мягким, душевным человеком, умел добиваться своего, проявлял принципиальность. Он рано повзрослел. В своей семье был за кормильца – надо было помогать маме, поднимать сестренку, младше на десять лет...

-Ваши родители следовали еврейской традиции?

- Они оба были воспитаны в еврейских семьях, но постепенно отходили от традиций – дань времени. Стали эмансипированными. Мама Анна Исааковна говорила на идиш лучше, чем папа. Его отец, мой дед, Лев Иосифович Гольденберг, погиб на фронте в октябре 1942 года. Точного места захоронения мы не знаем, возможно, он упокоился в одной из многочисленных братских могил. А вот дед по маминой линии Исаак Лазаревич Сандлер родился в Польше, слыл настоящим аристократом. Закончил Академию в Казани, был известным ветеринаром.

-Ваш отец к удивлению многих стал танкистом?

- Именно так! После окончания войны мой отец Леонид Гольденберг был советским офицером, танкистом, позже заведовал Домом офицеров. Родственников и знакомых за рубежом такое профессиональное самоопределение просто повергало в шок. Особенно в еврейском сообществе: они считали, что такого быть не может! Профессии врача или адвоката воспринимались намного спокойнее.

- Тем не менее, Ваш отец позволял себе и в СССР отстаивать Народ?

- Такие случаи бывали. Сегодня сложно сказать, комическими они были или трагическими. Например, ему часто говорили сослуживцы: «хороший ты, Леня, парень, хоть и еврей». Происходили и более серьезные инциденты: однажды генерал Малащенко сказал моему отцу, что он разводит в подведомственном ему Доме офицеров синагогу. Мой отец замахнулся на него стулом. Малащенко на следующий день потребовал посадить отца под домашний арест. Но Леонид Гольденберг не сдавался так просто, он позвонил командующему Шестой армией И.А.Бахметьеву. Тот сказал: «Еще раз позвонит – пошли его подальше! Он Устава не знает!» (По Уставу арестовать старшего офицера, каким был мой отец, мог только его непосредственный командир). Далее очевидцы рассказывали, что Бахметьев вызвал к себе невоздержанного генерала и «воспитывал» его в своем кабинете минут сорок. После этого Малащенко в своей манере извинился: «То, что произошло, этого не было!» - сказал он, позвонив на следующий день отцу.

- А когда Вы обратились к еврейским традициям, заинтересовались историей предков?

- Как я и говорил, всерьез еврейские традиции в семье моих родителей не соблюдались. Но я в 90-х годах пришел к серьезному осмыслиению истории Израиля, заинтересовался культурой и традициями. Побывал в стране, дважды учился в музее Яд-Вашем. Израиль мне очень понравился, там много удивительных мест. Но остаться там я не захотел, несмотря на то, что многие мои родственники разъехались по всему миру. В России я действительно привык себя чувствовать в меньшинстве, поскольку здесь действуют понятия «свой-чужой». Но я убежден, что в любом народе есть хорошие люди, а есть – подлецы. Моя жизнь научила меня с уважением относиться к любым меньшинствам. Я считаю, что евреи в России были теми самыми «дрожжами», которые двигали многие процессы. Я уверен, что на территории России существовал уникальный сплав различных народов, который давал яркие результаты в различных областях.

Тем не менее, мои родители, намекая на мое происхождение, с ранних лет всегда говорили: «Ты должен быть лучшим, много учиться, много работать! Тебе будет непросто. Ты – сын Народа»... Думаю, из СССР я бы все же уехал – такой свободный у меня дух. Я всегда много работал, а еще шутил, что не обещаю никому золотых гор, ибо я сам и есть – «Золотая Гора»...

- Вы испытали на себе проявления антисемитизма?

- Конечно. Проявления эти были многоголики... Расскажу один смешной и очень горький случай, в котором тема антисемитизма почти гротескна. Сейчас я уже могу спокойно шутить над ним, но целых десять лет у меня на сердце был глубокий шрам от обиды и несправедливости. В 1978 году мы с моим другом решили поехать в отпуск в Польшу. Мне устами руководителя петрозаводского туристического бюро отказали по «пятой графе». Мой друг не поехал один из гуманистических соображений, поддержал меня. Мы прекрасно отдохнули тогда в Грузии. Но внутренняя боль, чувство несправедливости остались. Я много думал об этом отказе. Пока спустя много лет чиновник от туризма не признался мне, что тогда ему просто было нужно два свободных места в группе, чтобы отправить в путешествие подружек. Все понимали, что ссылку на «пятую графу» проверять никто не будет, жаловаться в высокие инстанции не станет, - евреи привычны к такой постановке вопроса... Тему антисемитизма в СССР некоторые люди просто использовали в своих интересах.

- В иерусалимском музее Яд-Вашем Вы проходили курс по проблемам Холокоста?

- Именно, в Иерусалиме я стажировался дважды. А еще я стажировался и преподавал в университете Южной Калифорнии, который курирует проект связанный с Холокостом. Познакомился со Стивеном Спилбергом, режиссером знаменитого «Списка Шиндлера». В 2006 году именно по его приглашению я прибыл в США.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Спилберг создал колоссальный архив свидетельств жертв Холокоста, который хранится в Южно-Калифорнийском университете. Куратору проекта г-ну Гринбергу был нужен был методический анализ записей от русскоязычных специалистов. Поскольку я по профессии историк, ученый-методист, я смог принять участие в этом проекте. Это было тяжело и страшно: мы целыми днями слушали записи живых свидетелей Катастрофы! И так три недели подряд. Это при том, что в моей семье тема Холокоста всегда была очень болезненной. Из США я привез пять полноценных записей свидетельств жертв Холокоста - наших соотечественников, еще тремя со мной поделились коллеги. Уже на основании этих документов возможно полноценное исследование. А еще я всегда помнил, что среди шести миллионов убиенных – 30% - жители СССР, значит – мои соотечественники. Поэтому я много работал над этой темой, контактировал с Аллой Гербер, фондом «Холокост» в Москве. Сейчас я поддерживаю контакты со многими учеными в мире, занимающимися этой проблематикой.

-Вы принимали самое активное участие в подготовке и проведении семинаров по истории Холокоста в Петрозаводске...

- Да, в этом направлении мы провели большую совместную работу с московским Фондом «Холокост». Дело в том, что в массовом сознании существует эффект удаления от события, при котором с годами память и знание о явлении тускнеет, меркнет, потом – исчезает. В отношении Холокоста я считаю это недопустимым. Сначала я участвовал в организации серии семинаров и круглых столов для карельских учителей истории. В Петрозаводске состоялась презентация документального фильма «Тень свастики», призванного напомнить о страшных событиях прошлого. А еще через многие препоны мы добились попадания термина «Холокост» в школьные учебники для россиян, я считаю это очень важным. Многие дети, вставая со школьной скамьи, не знали, что такое Холокост.

Мы дали в учебнике истории определение явления, рассказали о нем. Еще я принял участие в проведении конкурса работ среди соискателей на эту тему, представлял в Петрозаводске шведскую книгу на русском языке «Расскажи об этом детям». В рамках проекта читал лекции о Холокосте для местного общества «Шалом»... На мероприятия в Петрозаводск приезжали члены общества «Холокост» из Москвы – Алла Гербер, Илья Альтман, Александр Брод, которые оказали нам большую помощь и поддержку.

- Актуально ли рассказывать современным студентам об Освенциме?

- Более, чем! В Петрозаводске еще живы люди, у которых Холокост отнял родственников и близких. Я устраивал встречи в Петрозаводске с бывшим узником Белостокского гетто, лагерей Освенцим и Маутхаузен, живущим в Петрозаводске, - Семеном Бекенштейном. Еще у меня есть план отвезти на экскурсию в Освенцим неравнодушных студентов Петрозаводского университета – они должны видеть и знать настоящую историю!

- Вам интересны культуры других народов?

- Естественно. Я живу в Петрозаводске, уже пять лет руковожу местным Краеведческим музеем. Считаю обязательным для себя знать обычай и традиции жителей республики: карелов, финнов, вепсов, саамов. Мне интересны разные традиции и культуры. По линии Ассоциации преподавателей истории я объехал разные страны мира, учился в Гааге, обменялся опытом с многочисленными зарубежными учеными. Мне кажется, все беды в мире – от плохого знания других культур и народов.

- Почему Вы решили возглавить Карельский государственный краеведческий музей?

- Можно сказать, меня просто «двинули на дело», а я не счел возможным отказываться. Я по специальности методист, много времени посвятил музейному делу. Долго занимался музейной педагогикой. Музейная экспозиция создается единовременно лет на тридцать – я рискнул создать ее в местном Краеведческом музее, несмотря на многочисленные сложности. Историческое здание было в ужасном состоянии. Мы сушили стены, заново ремонтировали залы, делали перепланировку, ставили противопожарную сигнализацию и видеокамеры.

К юбилею Республики Карелия мы широко распахнули двери музея на площади Ленина. В сегодняшней экспозиции множество ценных экспонатов. Это памятники карельского старообрядчества, уникальные старинные украшения, мечи из эпохи викингов, спил сосны многовековой давности, артефакты из истории Александровского завода, древнейшие плиты с петроглифами... А также редкие бутыли, в которых содержались излюбленные алкогольные напитки губернаторов!

Тем не менее, сегодняшняя экспозиция далеко не полная, многие ценные экспонаты до сих пор в запасниках. Еще не открыты залы по истории девятнадцатого и двадцатого веков. Приходят ветераны и спрашивают: «А где история партизанского движения в Карелии?» Над этим мы еще будем работать. Тем не менее, показатель эффективности нашего труда – многочисленные экскурсии, на которые приезжают люди из разных уголков России и из-за рубежа, приходят школьники и студенты. Не может не радовать тот факт, что количество посетителей за последние месяцы ощутимо возросло. Мы не только сделали перепланировку здания, но и разработали фирменную символику музея. Обучили экскурсоводов, которые способны увлекательно рассказывать историю экспонатов около каждого стендаА Вы же понимаете, организовать экскурсию в музее – очень сложно, это разовое соприкосновение с посетителем, который, возможно, прибывает издалека. У экскурсовода нет права на ошибку, это однократная схватка,

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

которая навсегда запомнится посетителю. Наша задача, - чтобы гость заинтересовался историей края, остался довольным увиденным и услышанным.

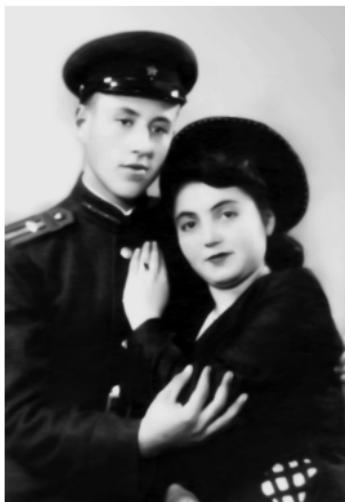
- В залах музея есть возможности и для школьников реализовать себя в новом качестве...

- Теперь в залах музея на подземном этаже школьники играют в ролевые игры, ненадолго превращаются в настоящих воинов и шаманов. Мне кажется, что музей, в котором ничего нельзя трогать руками, утратил свой смысл. У нас школьники осваивают древние орудия труда и войны, изучают старинные памятники, учатся ходить по лабиринту, слушают народную музыку, тренируются в изображении петроглифов, осознают себя совершенно в другом качестве. Это стимулирует творческие способности. Еще существуют различные мультимедиа возможности для индивидуальной работы. Музей – это не только мостик между поколениями, которые плохо знают и понимают друг друга, но и шанс глубоко погрузиться в историю родного края. Мне такой подход кажется замечательным и перспективным.

С Аллой Гербер и Семеном Бекеништейном

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Мои юные родители

Михаил Гольденберг

С Натальей Лайдинен

ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКА ДМИТРИЯ ЦВИБЕЛЯ

О том, что Карелия — край тысяч озер, водопадов и белых ночных, царство уникальной по красоте природы, знают во всем мире. Историки много говорят о том, что в республике сложился уникальный перекресток культур. А вот о том, что в этом северном регионе уже два столетия наряду с карелами, финнами, русскими, вепсами и людьми многих других национальностей живут и трудятся представители еврейского народа, задумываются немногие.

А между тем еврейская история и современность Петрозаводска весьма интересны и примечательны. О специфике «еврейского вопроса» в Карелии я побеседовала с председателем Петрозаводской еврейской религиозной общины Дмитрием Григорьевичем Цвибелем. Помимо того что много лет он активно участвует в жизни еврейского движения в Карелии, он известный музыкант, заместитель председателя Карельского отделения Союза театральных деятелей России, автор книг «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича» и «От станции Зима к Бабьему Яру», известный в республике публицист и общественный деятель.

— Дмитрий Григорьевич, как и когда в Карелии поселились евреи?

— Материалов на эту тему не так много, часть архивных документов не сохранилась. Из исследования Давида Гендлева известно, что евреи появились в Олонецкой губернии в середине позапрошлого века, это были преимущественно солдаты и члены их семей. После 1865 года в Петрозаводске стали селиться евреи-ремесленники, многие из которых прочно укоренились в городе, создали большие семьи. В дальнейшем община пополнилась торговцами, врачами, специалистами в разных областях. Были созданы молитвенный дом и кладбище,

в городе совершали религиозные ритуалы, отмечали праздники, обучали детей основам еврейской грамоты, существовала библиотека, которой могли пользоваться все евреи города. В начале XX века еврейская община была уже неотъемлемой частью общественной жизни Петрозаводска. В 1904 году открыли новую синагогу, которая сгорела в 1920-е годы. Упразднена община была в известные времена борьбы со всеми религиями.

– Вы уже четырнадцать лет возглавляете Петрозаводскую еврейскую общину. Расскажите, пожалуйста, об основных достижениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться за эти годы.

– Карелия — республика многонациональная. Поэтому появление в 1991 году Общества еврейской культуры «Шалом» было вполне органичным. Когда в 1997 году стало возможным зарегистрировать религиозную общину, мы это сделали. На сегодняшний день в Петрозаводске работает Еврейский общинный центр, где проходят религиозные службы, действует воскресная школа. Кроме того, мы издаем газету «Общинный вестник», в которой публикуем познавательные материалы о еврейской культуре и жизни общины, знакомим читателей с историей и современностью Израиля, интересными людьми, делимся рецептами национальной кухни. Самым серьезным достижением общины считаю проведение на постоянной основе Межконфессиональных круглых столов, на которых встречаются представители различных религиозных общин и движений Петрозаводска и других стран — христиане, иудеи, мусульмане.

– Многое для поддержки еврейской общины в Петрозаводске делают христиане-евангелисты из общины в городе-побратиме Петрозаводска Тюбингене (Германия). Расскажите об их инициативах подробней, пожалуйста.

— Петрозаводск и Тюбинген стали побратимами не случайно: многое для этого сделал гражданин Германии Пауль Целлер, прошедший Вторую мировую войну и побывавший в лагере на Карельском перешейке. В дальнейшем благодаря его усилиям и трудам его коллег оказывалась существенная помощь нашей общине, в частности, именно он дал объявления в газетах Тюбингена и Берлина о начале сбора средств для приобретения свитка Торы для петрозаводской общины. Так благодаря немецким друзьям из христианской общины им. Дитриха Бонхоффера были собраны средства для приобретения свитка Торы. Мы ежегодно обмениваемся визитами делегаций, друзья из Германии в тяжелые времена присыпали посылки для поддержки малоимущих членов Петрозаводской еврейской общины, некоторые мероприятия проходят при поддержке немецкого бюро «Запад — Восток». История нашего сотрудничества с Германией уникальна, она доказывает, что между представителями разных народов и разных религий возможны конструктивный диалог, понимание и взаимопомощь.

— Я знаю, что во многом благодаря вашим усилиям как председателя общины в Петрозаводске было спасено старое еврейское кладбище.

— Это на самом деле так. Судьба старого еврейского кладбища в центре Петрозаводска трагична. В 1960-е годы при проведении теплоцентрали вокруг него было снято ограждение, после чего многие захоронения подверглись разорению. Несколько семей, ухаживающих за могилами предков, перенесли мацевы на кладбище в Пески. Другим надгробиям повезло меньше. По жестокой иронии судьбы некоторые из них оказались в мастерских известных скульпторов, камни с еврейских захоронений использовались при создании монументов советских вождей! Когда мы узнали о проекте уничтожения кладбища, сразу отправились на прием к мэру города С. Катанандову.

После разговора с ним было принято решение сохранить еврейское кладбище. Оно было огорожено, по проекту архитектора Греты Логинской, живущей ныне в Израиле, была создана и установлена входная арка. Несколько годами позже мы собрали деньги на памятную менору, которую по проекту Евгения Калинина и Александра Ланда выковал известный петрозаводский кузнец Николай Беляков.

– На еврейском кладбище неоднократно наблюдалась случаи вандализма. А какая обстановка там сегодня?

– Мы неоднократно подавали заявления в милицию по причине появления на арке кладбища посторонних надписей, в том числе оскорбительных. Там открывали уголовные дела, но виновные так и не были найдены. Несколько раз делались попытки разрушения меноры. Но всякий раз члены общины восстанавливали порядок. В Карелии проявления антисемитизма крайне редки. Мы надеемся, что эти ситуации в будущем не будут повторяться, поскольку уважение памяти предков присуще традициям любого народа.

– А вы сталкивались с проявлениями антисемитизма?

– Со мной это случилось единственный раз в жизни: при поступлении в консерваторию. После окончания музыкального училища я успешно сдал экзамены в Ленинградскую консерваторию, но зачислен не был, поскольку на меня и моего друга по фамилии Хумек написали донос из обкома комсомола, нас обвинили в диссидентстве. По этой же причине я не смог поступить в Петрозаводскую консерваторию, а стал вольным слушателем, был зачислен на работу концертмейстером в Музыкальный театр, где проработал сорок лет.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем отце.

— Мой отец родился в Бобруйске в большой еврейской семье, его звали Мардух-Гершл, но позже записали Григорием. Родным языком папы был идиш. В детстве папа пел в синагоге. В 1914 году община собрала деньги, и папа поступил в местную гимназию. Он очень гордился этим и учился охотно. Во время Первой мировой войны семью разметало по свету: сестры Блюма и Зельда уехали в Америку, а он с родителями перебрался в Киев. Это был тяжелый путь: до Киева добирались два года, а по прибытии мои бабушка и дедушка умерли в больнице с разницей в один день. Так папа оказался в детском доме, где его разыскали сестры, даже специально прислали человека, чтобы вывезти его в Америку. По этому поводу было специальное собрание, было решено «нашего Гришу» никуда не отдавать, папа остался в России и никогда больше не видел сестер.

— Ваш отец — известный музыкант. Каков был его путь к музыке?

— У папы очень рано обнаружился музыкальный слух, он стал учиться. В 1924 году папа как способный ученик получил стипендию им. Ленина (об этом было написано в официальной газете Киева) и поступил в Музыкальный техникум. Там его соучениками были ставшие впоследствии знаменитыми музыкантами дирижер Исаи Шерман, первый исполнитель балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Кировском театре и балета Синисало «Сампо» в Музыкальном театре Петрозаводска; пианист, профессор Ленинградской консерватории Натан Перельман. Когда потребовалось подтверждение папиного музыкального образования (диплом папа потерял во время войны), Шерман написал в Министерство культуры Карелии письмо с подтверждением факта папиной учебы в Киеве. В годы войны папа выступал в составе концертных бригад, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

— А от папы вы что-то слышали о еврейских традициях, культуре?

— Папа был удивительным человеком! Советское воспитание не отбило у него памяти о еврейских корнях. С детства он знакомил меня с еврейской литературой, рассказывал о традициях, привил огромное уважение к еврейской культуре. Кстати, в свое время я даже хотел записать себя евреем в «пятой графе», но мне не дали это сделать в паспортном столе. Папа был очень читающим человеком: он умудрялся даже дорогу переходить с книгой в руке. Был необыкновенно способным, знал 15 иностранных языков. И работал на шести работах, чтобы прокормить семью — жену и трех сыновей. Он очень любил мою маму Тамару. Кстати, они познакомились в библиотеке, он обратил внимание на книги, которые она брала... Маме сейчас 90 лет, она живет в Израиле. У моих родителей никогда не возникало споров, до сих пор семейные отношения родителей я считаю образцовыми.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Дмитрий Цвибель

Наша семья, 1956 г.

Папа, 1971 г.

Мама, 1939 г.

НАТАЛЬЯ ГУЛЬ: «ТАНЦЕВАТЬ – УМ РАЗВИВАТЬ!»

На протяжении многих лет в Петрозаводске действует замечательный ансамбль еврейского танца «Авив», созданный в 1999 году при обществе еврейской культуры «Шалом» на базе благотворительного фонда «Хэсэд Агамим» при поддержке Республиканского Центра национальных культур. Таких уникальных творческих коллективов на Северо-Западе России всего два, поэтому интерес к «Авиву» велик не только в разных уголках нашей страны, но и за рубежом, мероприятия проходят при неизменных аншлагах. Танцоры постоянно выступают и на концертах, посвященных еврейским праздникам, юбилеям, памятным датам.

Помимо ансамбля для взрослых, существует специальная танцевальная группа для детей и подростков «Дрейдл», многие участники которой плавно вливаются в дальнейшем в старший состав исполнителей. Появились уже целые семейные династии танцоров «Авива».

Готовясь к интервью с Натальей Николаевной Гуль, бессменным руководителем еврейских творческих коллективов, я узнала, что она также ведет увлекательные занятия для малышей в петрозаводском городском танцевальном клубе «Ритм», на протяжении девятнадцати лет успешно работает в коррекционном интернате для «особых» детей, много внимания уделяет «исцелению танцем».

Вот такими какими наблюдениями за ярким и самобытным действом, осуществляемым на сцене во время представления, со мной поделился один из постоянных зрителей: «Детский концерт – очень впечатляющее и трогательное зрелище. Возникают моменты – когда буквально «комок» образуется в горле, а глаза зрителей становятся влажными. Важно и показательно, на мой взгляд, то, что концерты, (а их Наталья Гуль вместе с воспитанниками проводит два раза за сезон), очень благожелательно принимаются родителями.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Та легкость, с которой хореограф воплощает свои творческие идеи и планы, просто завораживает. Руководитель ансамбля пробуждает у воспитанников-танцоров способности, раскрывает возможности, о которых те, вероятно, и не подозревали, обозначает внятную перспективу, поддерживает и вдохновляет.

Все, кто вовлечены в этот созидательный круговорот, благодарны Наталье Гуль за работу и творчество. Только интуитивно здоровый человек способен до такого совершенства развить профессиональные качества, настолько полно реализовать внутренние устремления и исполнить своё предназначение. Её пример вдохновляет, и хочется надеяться, что не меня одного».

О том, как складывался творческий путь, какие испытания приходилось преодолевать, занимаясь любимым делом, мы побеседовали с Натальей Николаевной после зажигательного концерта «Авила» в Петрозаводске, посвященного 15-летию коллектива.

- Наталья, как Вы пришли к осмыслиению еврейской танцевальной культуры? Вы всегда знали, что у Вас – еврейские корни?

- К осмыслинию еврейства я пришла уже в зрелом возрасте, долгое время о корнях семьи даже не догадывалась: мама по паспорту финка, родом из Ингерманландии, отец – белорус. Естественно, наша светская советская семья была далека от любых религиозных традиций. Во время войны родные пережили серьезные испытания: мама попала сначала в концлагерь, после освобождения ее отправили в Казахстан в эвакуацию. Оттуда члены семьи выехали в Финляндию, затем – в Карелию. Бабушка умерла на лесоповалах... Родственники отца оказались на севере, папа, закончив ремесленное училище в Лахденпохье, поступил на работу водителем в Петрозаводске, где они познакомились с мамой.

Романтическая история: когда папа в 1963 году сделал маме предложение, она взяла время, чтобы подумать, а сама начала всерьез готовиться: на кредитные деньги купила новое теплое пальто, мохеровую шапку, а вот на сапожки денег не хватило. Поэтому когда они с дедушкой зимой ехали на встречу с папой в Мурманскую область в комсомольский город Ковдор, где молодые планировали жить, у нее все время мерзли ноги. Отец как почувствовал: встречал их на вокзале с белыми валенками для мамы! Какое было счастье... Сначала родители гостили на озере Имандра у мамы отца, женщины с сильным характером, которая пекла великолепные блины. Затем двинулись дальше в Ковдор – так началась их семейная жизнь.

- Когда Вы поняли, что танец – Ваше призвание?

- Танцевала я с детства. Помню себя маленькой – одевала мамину пушистую шапку, которая отчего-то казалась мне лебяжьей, перевязывалась белым платком и на пальчиках ходила по дивану... Такое особенное было у меня «Лебединое озеро»! Я всегда знала, что буду танцевать. В школе принимала участие в спектаклях, занималась в студии ковдорского Дворца творчества балетом и народным танцем.

Мама считала, что мне обязательно нужно получить хорошую профессию, поэтому вынудила поступать в Карельский государственный педагогический институт. Однажды отец застал меня плачущей, спросил, что случилось. Когда узнал, что я мечтаю танцевать, удивился, успокоил меня, и на следующий день мы подали документы в культпросвет училище. Душа моя успокоилась, я стала с радостью заниматься любимым делом, больше не сходила с избранного пути.

- А как пришла идея о создании ансамбля еврейского танца «Авив»?

- Однажды Галина Михайловна Резник, замечательный педагог, пригласила меня работать в воскресную еврейскую школу – вести «танцы на иврите». Естественно, это была совсем новая для меня сфера деятельности, я стала углубленно заниматься изучением еврейских традиций, Торы, кашрута. Заинтересовалась, почувствовала удивительное глубинное родство с еврейской культурой. Стала ходить на занятия в воскресную школу.

И вот тут-то в разговоре с мамой неожиданно выяснилось, что у нас – еврейские корни, родовая фамилия бабушки – Гуль. Оказывается, моя прабабушка Сара и прадед Семен не были официально зарегистрированы, трудно теперь выяснить, кем они были, как сложились их жизни... После развода я решила взять бабушкуну фамилию. Так что можно сказать, что я пришла в еврейство через танец. Сначала организовали детский коллектив «Хаверим», много выступали, исполняли, в том числе, молитвенные песнопения. Вскоре я почувствовала, что мои близкие люди, ученики тоже потянулись к познанию национальных традиций, культуры – это замечательно! Так за почти два десятка лет через меня многие люди приблизились к еврейству.

Но мне довелось увидеть и другую сторону «возвращения к корням»: я и мои дочки попадали в ситуации, когда за «звезду Давида» на шее нас были готовы побить, к сожалению, мы неоднократно сталкивались с проявлениями бытового антисемитизма.

То, что сегодня в ансамбле «Дрейдл» при Центре национальных культур вместе с еврейскими детьми танцуют ребята других национальностей, которые интересуются традициями, задают много вопросов, я считаю большим шагом вперед к толерантности и взаимопониманию между людьми. Все вместе мы живем одной общей еврейской жизнью.

После распада «Хаверим» мне всегда хотелось создать новый ансамбль, уже на более серьезной основе. Он начался с того, что ко мне потянулись представители старшего поколения –

настоящие еврейские бабушки и дедушки. Этот взрослый коллектив был исключительно молод душой. Позже присоединились и танцоры других возрастных категорий, так пятнадцать лет назад родился «Авив». Кстати, название (в переводе - «Весна») придумали именно бабушки-старушки! Мы стали усердно заниматься, выступали в филармонии, ездили на гастроли по Северо-Западу России, за рубеж. Я участвовала в израильских обучающих танцевальных семинарах, чтобы глубже постичь еврейскую танцевальную культуру.

А потом и молодежь подтянулась: стали танцевать мои дочки, их подруги, мы выступали на фестивалях, побывали на гастролях в Кармиэле – привезли в Израиль блок идишских танцев, финскую и карельскую программы, а также танцы грузинских татов. Принимали нас просто «на ура!». Кстати, на выступлении в Кармиэле случился небольшой казус: ближе к концу выступления внезапно отключился звук. Пока я думала, что делать, наши танцоры продолжали выступать в том же темпе и ритме, зрители стали им помогать аплодисментами, номер удалось завершить блестяще.

Проблема в том, что многие участники ансамбля, получая толчок к развитию, потом разъезжаются по миру. Все время приходят новые люди, так что за 15 лет мы набрали уже третий состав нашего коллектива.

-Вы сами ставите танцы?

- Да, в известные композиции я порой добавляю драматургию, поскольку люблю сюжетные танцы. Детские программы ставлю только сама. Ребенку легче воспринимать песню и движения, когда он понимает – о чем это. Например, песня «Мы варили кашку»: в танце, используя огромную кастрюлю, ложки, крышки, мы с малышами показываем, как это блюдо можно сотворить из батона, из конфеты, из сосиски, чтобы поутру порадовать проснувшуюся маму. Многие зрители признались, что концерте, в канун праздника 8 марта, этот номер получился самым впечатляющим и смешным. Весело при исполнении было и малышам, и их родителям.

В «Авиве» у нас есть постоянный репертуар, но мы все время придумываем что-то новое. В прошлом году поставили программу, посвященную еврейским праздникам. Много образов, идей черпаю из традиции предков, музыки, древних напевов. Сами придумываем, шьем необычные костюмы.

- Как Вы полагаете, в танце может раскрыться любой ребенок?

- Абсолютно любой! Много лет я преподаю в коррекционном интернате для «особых» детей с задержками речевого развития. Коллеги-учителя говорят, что ребята, которые у меня системно танцуют, лучше осваивают программу по математике, запоминают и читают стихи. Я веду уроки логоритмики, где мы, в том числе, «протанцовываем» поэзию. Дети начинают чувствовать, как ритмически строится фраза, лучше говорят, у них нормализуется дыхание. В частности, на выпускном вечере в этом году мы создали целый спектакль, где ведущими и актерами выступали сами школьники. Вместе с ребятами читаем и исполняем руны из «Калевалы», различные стихи. Не зря говорят: «танцевать - ум развивать!»

Вообще, я заметила, что «особых» дети лучше танцуют под джаз, поскольку легче адаптируются к нечеткому ритму, не боятся импровизировать. Вероятно, именно такая музыка близка их внутреннему состоянию. Они абсолютно открыты, с нетерпением ждут момента для проявления творчества.

Когда я занимаюсь с обычными детьми в ансамбле, порой наблюдаю, что некоторым детям сложно дать волю своим чувствам, они боятся допустить ошибку, вероятно, стараниями близких взрослых их двигательная активность строже регламентирована и ограничена нормами поведения. И когда я ставлю незнакомую для них музыку, они, вместо того, чтобы свободно и непринужденно импровизировать и фантазировать, пытаются исполнять уже знакомые и привычные для них движения.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

Но в любом случае, ребенок, который с раннего возраста (с года восьми месяцев – двух лет) постоянно занимается танцами, получает ценный опыт общения и взаимодействия со сверстниками, более успешен в других учебных дисциплинах и в спорте. На наших занятиях мы не только танцуем, но играем, поем, читаем стихи, что очень способствует общему развитию. Через игровой подход обучение происходит интенсивно и не утомляет ребенка.

В интернате на протяжении нескольких лет существует авторская программа «Литература и фантазия». Авторство принадлежит библиотекарю интерната Элеоноре Борисовне Кашиной. Замысел – пластическая интерпретация сюжетов литературных произведений для детей. Начали со «Щелкунчика», потом были «Пер Гюнт», «Цветик-семицветик», «Незнайка и его друзья», «12 месяцев», «Мойдодыр», «Синяя птица». Последняя постановка была сделана совместно с учащимися хореографического отделения школы искусств.

- Что вдохновляет на творчество?

- Прежде всего – работа. Я счастливый человек, очень люблю жизнь. Окружают те люди, кто помогает, особенная благодарность – родителям юных танцоров. Мне нравится, когда всем вокруг интересно, и большим, и маленьким. Вдохновляют простые, случайно сказанные кем-то слова, неожиданные картинки, подсмотренные на репетициях. Мальчишки и девчонки являются соавторами творческого процесса, некоторые решения приходят только, когда наблюдаешь за детьми, ни один хореограф сам такого не придумает.

И, конечно, надо отметить огромное участие тех, кто непосредственно помогает нашей работе: замечательного костюмера Ольгу Николаевну Варцеву, режиссера Василия Сергеевича Сереброва. Благодаря этим людям концерт превращается в волшебное действие, надолго запоминающийся спектакль.

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ

После концерта

На концерте

На сцене

Программка концерта

ВЛЮБЛЕННАЯ В ФОЛЬКЛОР. СОФЬЯ ЛОЙТЕР

Имя и труды Софьи Михайловны Лойтер известны не одному поколению отечественных и зарубежных филологов, преподавателей и выпускников вузов. На протяжении десятилетий доктор филологических наук, педагог С.М. Лойтер изучала фольклор, занималась проблемами древнерусской и детской литературы. Помимо этого она подготовила и опубликовала несколько монографий и книг, проанализировала отдельные аспекты жизни и творчества Ирины Федосовой, Марии Петровых, Анны Ахматовой, вернула к жизни имена давно забытых ученых-фольклористов.

В канун 80-летия Лойтер продолжает активно работать, заниматься со студентами, ведет обширную исследовательскую деятельность. О долгом жизненном и профессиональном пути, семейных историях и фольклоре мы поговорили с Софьей Михайловной в ее домашнем рабочем кабинете, среди книг и рукописей.

О семье

— Я родилась и воспитывалась в простой еврейской семье. Бабушка с дедушкой говорили на идише, в доме соблюдали еврейские традиции. Помню, как мой дед Иосиф Гальперин молился по утрам, надевал тфилин и талес. Он был старостой в синагоге, его уважали за бескорыстие и честность. Мама с папой родились в местечке Левков под Житомиром. Учиться девочкам тогда было не принято, поэтому мама с тремя сестрами почти не получили образования. А вот мой дед по отцовской линии, Берко Лойтер, известный в Левкове столяр-краснодеревщик, служил в имении графа Броницкого. В свой роскошный замок петербургский вельможа приезжал только на лето, а все остальное время там требовалось поддерживать порядок, следить за мебелью. Этим и занимался Берко — он был главным мебельщиком в усадьбе.

Я никогда не видела деда, но много слышала о нем от отца, Михеля Лойтера. Он и его братья перенимали отцовский опыт и тоже стали высококлассными профессионалами, столярами-краснодеревщиками. Поэтому после установления советской власти всех троих пригласили работать по специальности.

С детства помню запах свежей стружки — мой отец Михель Беркович Лойтер трудился на одной из крупнейших мебельных фабрик Украины, которая производила качественную мебель. Когда после войны отстраивали ГУМ, отца вызвали в Москву, и он вместе с другими лучшими специалистами страны принимал участие в отделке универмага. Потом он работал на восстановлении здания Верховного Совета в Киеве, других правительственные объектов. Отец был стахановцем, передовиком производства, при этом с большим скепсисом относился к советской власти и лично к Сталину.

Жили мы бедно, семья была совсем не книжная. Папа умел писать по-еврейски, но говорил, что держать рубанок ему привычнее, чем перо. С моей мамой — «аидише мамэ» Рухлей-Леей (Рахилью) — они прожили 56 непростых, но счастливых лет, всю жизнь трогательно заботились друг о друге. Меня, девочку, родные оберегали от еврейства — времена было такое. Куда-то в глубину памяти западали еврейские пословицы, песни, потом, уже спустя много лет, я их слышала — и узнавала. Но, к сожалению, об истории предков, культуре, литературе, языке я знаю крайне мало, это не позволяет мне глубоко заниматься еврейским фольклором, хотя несколько статей я подготовила. Вечерами слушаю, как мой муж Иосиф Гин читает вслух Шолом-Алейхема на идише. Он вернулся к изучению языка уже в зрелом возрасте.

О войне

— Мы оказались в эвакуации в Мирзачуле, в Узбекистане. Что удивительно, в это же время там находилась семья моего будущего мужа Иосифа Гина. Но тогда мы не знали друг друга.

Папу не взяли на фронт по болезни: когда ему было десять лет, в Левкове произошел страшный погром, на его глазах убивали и ранили людей. У отца случился сильный сердечный приступ, который превратился потом в порок сердца, с ним отец жил до конца дней.

От войны у меня остались рваные воспоминания: многие детали и подробности я не помню, другие всплывают ярко. Мы жили у хороших, добрых хозяев по фамилии Саратовы, раскулаченных советской властью. До сих пор не могу забыть тогдашнего чувства голода. У меня был маленький «бизнес»: я с разрешения хозяев набирала воду из колодца, а потом бегала по базару с огромным чайником и кричала: «Ким су?» («Кому воды?») Взамен мне давали ломоть дыни, арбуза, лепешку, кусок хлеба — я их складывала в сумку и приносила домой. Катык (кислое молоко) я съедала сразу, на месте. Еще я бегала за коровьим стадом, собирая кизяк для обогрева жилища...

Мои учителя

— В юности хотелось стать лучше, учиться, расти. В школе у меня была удивительная учительница русского языка — Лидия Александровна Семенова, старая дама с буклями, благодаря которой весь наш класс писал грамотно. У нее была интересная методика работы: на каждое правило ученики должны были дома самостоятельно выбрать примеры из поэзии — так педагог приобщала нас к литературе. Отвечая на уроках, мы читали наизусть стихи.

В 1952 году, когда я оканчивала школу, Сталин был еще жив. В выпускном классе пережила настоящую драму — была представлена к золотой медали, но в аттестате мне поставили тройку по русскому языку. Давать еврейской девочке медаль не хотели. Дальше случилось новое горе. Поступить на филфак Киевского университета не удалось по причине того же «пятого пункта». Я страшно переживала, но не сдалась, устроилась в школу вожатой, решила, что с Украины нужно уезжать.

Много выпускниц-евреек моего времени поступили точно так же — в российских городах условия приема в университеты были мягче. Все заработанные деньги я откладывала — готовилась к отъезду. Выбрала Петрозаводский университет случайно: на геофаке училась моя знакомая, она рассказывала, что Петрозаводск — хороший город... Я отправила документы, получила вызов в Карелию. Сегодня признаюсь: не жалею об этом. Я сразу окунулась в другую, интеллектуальную среду, познакомилась с удивительными людьми. В годы борьбы с космополитизмом на филфаке ПетрГУ работали выдающиеся профессора из Ленинграда, в том числе Е.М. Мелитинский, Л.Я. Гинзбург, Н.Я. Берковский. Во многом благодаря таким личностям там сформировалась сильная научная школа, особая аура факультета.

Хочу рассказать об Ирине Петровне Лупановой, ученице знаменитого филолога-фольклориста В.Я. Проппа. Именно она оказала большое влияние на мое становление как ученого и человека, пригласила в кружок детской литературы, где занимались неординарные люди, писатели, поэты. С этого момента началась моя научная жизнь.

О муже

— Я была на втором курсе, когда познакомилась с будущим мужем. Иосиф Гин — моя судьба и главный жизненный университет. На третьем курсе я вышла замуж, на пятом родился сын Яша. Средств к существованию не было, надо было сразу работать, пришлось ехать по распределению в Надвоицы. Школа, где предстояло работать, располагалась в деревне на одном берегу Беломорканала (там же, кстати, находилась исправительная колония), а дом без всяких удобств — на другом. Нужно было несколько раз в день переправляться в любую погоду в лодке через Беломорканал. Зимой перебирались на другую сторону по льду...

Бытовая неустроенность была и после отъезда из Надвоиц. Своей квартиры не было несколько лет...

О Льве Кассиле

— Моя кандидатская диссертация посвящена проблеме романтизма в творчестве Кассиля. С этим удивительным писателем мне довелось встретиться несколько раз. Особенно теплые отношения сложились с его женой Светланой Леонидовной Собиновой, дважды с ее разрешения я работала в квартире Кассиля с архивами Льва Абрамовича. Светлана Леонидовна — доцент ГИТИСа, интереснейшая женщина. Когда я приезжала, мы ходили на выставки, она показала мне Переделкино. Встречи с интересными людьми я тоже считаю своими жизненными университетами. Работа над диссертацией познакомила меня с такими замечательными современниками, как Л.Э. Разгон, Е.А. Таратута, с которыми я встречалась и переписывалась.

О Карельском пединституте и студентах

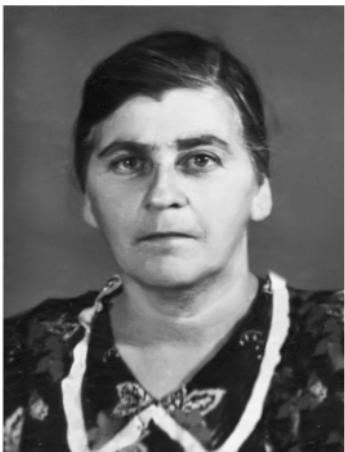
— Я пришла в институт ассистентом на крошечную ставку, читала курс по детской литературе. На филфаке в то время работал Э.Г. Зыков, ученик Д.С. Лихачева, ученый и педагог. В 1970 году он передал мне интересный, но сложный курс по фольклору, который я приняла с удовольствием. Начав преподавать этот курс, я поняла, что предмет требует больших знаний, разностороннего опыта, читать его и не бывать в экспедициях невозможно. Поездки в Пудожье, Прионежье — очень важный этап в моей жизни. С тяжелыми рюкзаками мы со студентами стучались в каждый дом, записывали бабушек — притчания, песни, сказки. Впитывали колоритную народную речь, которая сохранилась непостижимым образом. Наши поездки продолжались до 1984 года. Я убеждена: если есть увлеченный преподаватель с горящими глазами, который любит свое дело и живет им, обязательно будут и увлеченные студенты. А я до сих пор материалы, собранные в то время, использую в работе.

Софья Лойтер

Яков Гин

*Мама
Рухля-Лея Лойтер*

*Папа
Михель Беркович Лойтер*

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	Счастливая звезда Гарри Лака	3
2.	Красноармеец Зяма Кауфман	14
3.	Светлый человек Семен Бекенштейн	22
4.	«Золотые горы» Михаила Гольденберга	28
5.	Еврейская музыка Дмитрия Цвибеля	39
6.	Наталья Гуль : «Танцевать - ум развивать»	46
7.	Влюбленная в фольклор. Софья Лойтер	54

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. Иосиф Гин

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской общины

Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Дмитрий Цвибель. Лидеры

Дмитрий Цвибель. Мой папа

Лев Хорош. Судьбы еврейские

Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после

Иосиф Гин. Хочу рассказать

Софья Лойтер. Частички бытия

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 18

*Редактор
Дмитрий Цвебель*

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 300 экз. Заказ № 455